

МУЗА ШОСТАКОВИЧА

В НЕМЕЦКОЙ государственной опере большое волнение. В приподнятом напряжении и прославленные певцы, и музыканты, и техники сцены. И все потому, что в полуосвещенном зале за маленьким пультом с обычной настольной лампой сидит скромный симпатичный человек. Берлинцы уже знают, что это очень деликатный и добрый человек. Голос у него совсем не режиссерский — тихий, мягкий, прерывистый. Но он самый компетентный экзаменатор, критик и режиссер. Он автор. Самый выдающийся композитор нашего времени. Дмитрий Шостакович.

Композитор еще не прибыл в Берлин на IV музыкальный биеннале, а маститые музыковеды в своем кругу уже назвали его «Биеннале Шостаковича». Неофициально, конечно, чтобы не обидеть других крупных зарубежных композиторов и музыкантов, которые прибыли для участия в традиционном празднике большой музыки.

Торжественное открытие биеннале состоялось 16 февраля. Три вступительных произведения современной музыки исполнил Берлинский симфонический оркестр под управлением Курта Зандерлинга. Были отобраны произведения композиторов, которые, по мнению организаторов биеннале, оказали особенно заметное влияние на музыку XX века, — Игорь Стравинский, Дмитрий Шостакович, Рудольф Вагнер-Регени. Самое сильное впечатление — это единодушно отметила берлинская критика — произвела на зрителей за-

вершившая торжественный концерт Пятая симфония Шостаковича. «Одно из самых значительных произведений социалистического реалистического искусства», — назвала симфонию «Нойес Дойчланд». Газета не без основания объясняла успех симфонии тем счастливым обстоятельством, что Курт Зандерлинг много лет дружит и работает с Дмитрием Шостаковичем.

Как почетный гость республики, Дмитрий Дмитриевич живет в «Палэ» на Унтер-ден-Линден. Этот изящный дворец-гостиница находится совсем рядом с Оперой. Даже не спеша можно пройти от «Палэ» до Оперы, где идут репетиции «Катерины Измайловой», за какие-нибудь пять минут.

Около Оперы на ярко освещенном стенде портрет Д. Шостаковича. Сообщение о том, что премьера «Катерины Измайловой» состоится в присутствии автора. На другой день после прибытия в Берлин Д. Д. Шостакович был приглашен друзьями на оперу «Нос», написанную им еще в 1928 году. Первым зарубежным городом, возобновившим в 1969 году постановку оперы, стал Берлин. Талантливый берлинский режиссер Эрхард Фишер работал вместе с композитором в Москве, но в момент премьеры в берлинской опере Дмитрий Дмитриевич заболел и не смог принять приглашение. Впервые он увидел «Нос» только теперь.

Постановкой, оркестром и певцами автор остался очень доволен. Труппа устроила ему горячую овацию. Рас-

тоганный композитор сказал: «Когда произведение исполнено так хорошо, то невольно возникает желание взяться за новую оперу». Директор Берлинской оперы профессор Г. Пишнер не преминул сделать тут же заявку на третью оперу Шостаковича. Он напомнил, что Берлинская опера — единственный сейчас в мире театр, который имеет в своем репертуаре обе оперы Д. Шостаковича.

Всем известно, что опера «Катерина Измайлова» существенно отличается от рассказа Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», который использован для либретто. Прежде всего — своей идейной направленностью. Оперная Катерина Измайлова гораздо в большей мере, чем литературная, — обобщенный социальный образ. Она — типичная жертва жестокой и косной социальной среды. Оперная Катерина — родная сестра Катерины из «Грозы» А. Н. Островского, такая же чистая и цельная натура, такая же лишенная самого естественного для женщины — свободной любви. Но Катерина Островского больше опутана патриархальными обычаями и религией, она еще не действует, а, полюбив, приносит себя в жертву. Катерина Шостаковича — действует. Действует страшно, дико, преступно, но и обличая своим действием общество, которое ее поработило. Следующая сестра — которая народится позже — неистовая Виринея. Все это понимает постановщик спектакля Эрхард

Фишер. Его идейная интерпретация пьесы и центрального образа Катерины полностью соответствует авторскому замыслу. На роль Катерины

приглашена солистка Дрезденской оперы Ева-Мария Штраусова — певица молодая, обаятельная, с сильным и чистым голосом. Партию Сергея ведет болгарин Петер Гугалов, артист, щедро одаренный голосом, драматическим талантом.

— Музыка Шостаковича нам очень близка, — говорит он, — в ней такое богатство чувств, столько человеческого тепла. Уверен, что «Катерина» будет иметь колоссальный успех, пойдет по всей Европе.

Третий в этом ансамбле — солист Берлинской оперы Райнер Зюсс, исполняющий партию старика — Бориса Тимофеевича Измайлова. Когда слышишь раскаты баса со сцены, то невольно улыбаешься, вспоминая, что поэт воспитанник знаменитого Лейпцигского хора мальчиков — «Томанерхор».

Оперная музыка Шостаковича очень отличается от музыки многих современных композиторов, — замечает он, — редко у кого из них хватает «дыхания» на всю оперу. А в «Катерине» есть это широкое свободное дыхание. Есть что петь солисту, что играть, что чувствовать. Все партии имеют динамичное развитие, кульминацию. Я пою своего старика Измайлова с большим наслаждением, с каждой репетицией нахожу в своей партии все новые оттенки и глубины.

После первого акта к пульту композитора подходит дирижер Хайнц Фрикке.

— Вот тут проверьте, пожалуйста, — Дмитрий Шостакович указывает карандашом в свой клавишник, где он делает отметки по ходу репетиции. Фагот опустил немного — заметили?... А здесь кларнет должен вести свою партию лиричней. Это мне показалось медленнее. А как вам? Может быть, чуть побыстрее? А это очень хорошо у вас. Очень! Точно интерпретируете. Теперь какие у вас замечания? Какие вопросы?

Постепенно увлекаясь, композитор и дирижер напевают друг другу отрывки

из партий, выстукивают ритм костяшками пальцев по пюпитру.

А в зале и на сцене мертвая тишина. Можно подумать, что здесь совсем нет людей. Все слушают, все наблюдают за этим священнодействием.

Режиссер Эрхард Фишер — с резкими чертами лица, с властным голосом, которым он останавливает действие на сцене (иногда от избытка темперамента режиссер шагает к сцене через ряды стульев), — пытается что-то объяснить композитору. Я слышу только:

— Немецкий зритель отличается... Он привык...

— Да, да, я знаю, — говорит композитор. — Но там-то — на сцене — Россия.

И тут видно, что при всей своей мягкости, деликатности, доброжелательности Дмитрий Дмитриевич не уступает. Это — позиция. Это — принцип.

Но режиссер отнюдь не обескуражен. Он даже вроде бы доволен.

— У нас не то, что у Фельзенштайна в «Комише опер», — говорит Эрхард Фишер. — Там драматические градусы поднимаются медленно, постепенно. У нас в Опере большой рывок получается именно на последних прогонных репетициях. Поэтому, пожалуйста, побольше критики. Говорите абсолютно все, что вы заметили неверного и неприемлемого. Прошу вас — критикуйте!

На первой репетиции Дмитрий Дмитриевич делает небольшие замечания. Говорит, что ему в принципе постановка нравится. Идея оперы выражена правильно. Но потом замечания становятся все серьезнее. Постановка и в самом деле — скачком! — стала много значительнее и интереснее.

В часы, свободные от репетиций, Дмитрий Дмитриевич посещает концерты IV биеннале, в которой выступают выдающиеся музыканты ряда стран, встречается со своими берлинскими друзьями — композиторами, дирижерами, выдающимися исполнителями, инструменталистами, певцами.

И вот праздничный день премьеры. Проспект Унтер-ден-Линден ярко освещен. К зданию Оперы одна за другой подъезжают машины: министры, послы, деятели культуры. Берлинская молодежь спешит от ближайших станций метро и автобусных

остановок. От своего роскошного «Палэ», стараясь быть незаметным, прошел пешечком Дмитрий Шостакович.

Увертюры в этой опере нет: сразу начинается крутое драматическое действие. Эмоционально насыщенная и выразительная музыка сразу вводит в эпоху, в ее атмосферу, в душу людей. Зрительный зал целиком «перемещается» в Россию, в Мценский уезд, в дом купца Измайлова.

После каждого действия — взрыв аплодисментов. За финальными трагическими звуками — после гибели Катерины — напряженная пауза. Потом долгая овация. Публика вызывает на сцену артистов и постановщиков. Те адресуют благодарность автору. Сотни людей, как один человек, поворачиваются к правительственной ложе. Овация становится похожей на нарастающую весеннюю грозу. Слышатся восторженные благодарные возгласы: «Браво! Слава Шостаковичу!» Композитор встает, смущенно раскланивается и настоятельно показывает рукой на сцену: мол, их — артистов и музыкантов благодарите.

Овация продолжается десять минут. Она утихает только после того, как Д. Шостакович деликатно поспешает к выходу из ложи...

В Верхнем малом зале Оперы — в «Аполло-заль» — собрался весь ансамбль: не разгримированные еще певцы, музыканты, рабочие сцены. Тут же маститые гости биеннале и друзья композитора. Все сердечно поздравляет автора с огромным успехом. Такой Берлинская опера еще не переживала.

А он, как всегда, смущается от такого бурного многолюдного признания. Он даже немного растерян. Порывисто, неожиданно обнимает и целует дирижера Хайнца Фрикке, постановщика Эрхарда Фишера, Еву-Марию, которая так блистательно справилась с его любимой ролью Катерины...

— Дорогие друзья! — сердечно говорит Д. Шостакович. — Горячо благодарю вас за счастлившую неделю. Сегодняшний день я буду помнить, пока жив.

Л. СТЕПАНОВ,
сб. корр. «Известий».
БЕРЛИН, 28 февраля.